

РАЗДЕЛ II. ПОЭТИКА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ББК 83.3
УДК 821.161.1

Ф. В. Макаричев¹
Санкт-Петербургский университет МВД РФ
spbfell@mail.ru

ФУНКЦИЯ ИРОНИИ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье оцениваются функции иронии и самоиронии героев в романах Ф. М. Достоевского, присутствие иронии в которых, является существенным, почти сюжетобразующим, элементом поэтики в первую очередь – в «Бесах» и «Подростке». Функция иронии в этих романах достаточно контрастна. Если в «Бесах» ироническим тоном хроникера окрашено буквально все, то в «Подростке» ирония более локальна, так как связана, прежде всего, не с образом повествователя, а с образом Версилова. Возможно поэтому недостаток внешней иронии компенсируется самоиронией героя. Самоирония героя – признак зрелости, возросшей способности критической самооценки, с другой – мягкая форма проявления «двойничества», драматичного раздвоения, даже расслоения, личности. Самоиронию можно рассматривать как следствие «ролевой множественности» личности. Каждая из ролей этих героев оказывается неоднозначной. В центре внимания – авторская ирония, ирония хроникера, а также ирония и самоирония персонажей. Также выявляется функциональная зависимость иронии от жанровой природы повествования. Прослеживаются изменения в статусе субъекта и объекта иронии от романа к роману. Концентрация иронии в романе «Бесы» намного выше, чем в других романах Ф. М. Достоевского за счет сочетания иронии и самоиронии повествователя и персонажей и авторской иронии, характерной для жанра политического памфлета. В следующем романе-исповеди «Подросток», на фоне угасания иронии повествователя, возрастает роль иронии и самоиронии Версилова. В «Братьях Карамазовых», в силу особенностей жанровой природы произведения, происходит возврат к более сбалансированному распределению иронии между хроникером и персонажами.

---

¹ Макаричев, Феликс Вячеславович, доктор филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД РФ, г. Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: функция иронии, самоирония, герой-ироник, двойничество, романтический образ

Ирония и самоирония героев Достоевского – тема для обширного исследования. В рамках сложившейся типологии героев Достоевского есть одна лакуна, недостающее звено, ниша... А именно – герои-ироники. Тема эта, однажды поднятая в работе Т. А. Касаткиной [3], так и не получила должного внимания и не нашла всестороннего освещения. Хотя отдельные замечания и ценные наблюдения (в рамках работ на другие темы) были сделаны.

В свете нашей темы хотелось бы, прежде всего, обратиться к двум романам, присутствие иронии в которых является существенным, почти сюжетообразующим элементом поэтики: «Бесам» и «Подростку».

Функция иронии в этих романах достаточно контрастна. Если в «Бесах» ироническим тоном хроникера окрашено буквально все, то в «Подростке» ирония более локальна, так как связана, прежде всего, не с образом повествователя, а с образом Версилова. Возможно поэтому недостаток внешней иронии («милующей благодати автора») компенсируется самоиронией героя: если над Степаном Трофимовичем иронизирует хроникер и другие лица (сам же Степан Трофимович как будто не замечает смешного в своем поведении), то в «Подростке» Версилов наделен способностью к самоиронии, что также свидетельствует о более сложном характере, о возросшей критической самооценке героя. Причем эту самоиронию нельзя свести к светской привычке, как это делает Подросток. Он замечает в отце следующее: «У этого Версилова была подлейшая замашка из высшего тона: сказав (когда нельзя было иначе) несколько преумных и прекрасных вещей, вдруг кончить нарочно какой-нибудь глупостью <...>. Это он делал нарочно и, вероятно, сам не зная, зачем, по глупейшей светской привычке. Слышать его – кажется, говорит очень серьезно, а между тем про себя кривляется или смеется» [2, XIII, 108].

Самоирония Версилова еще и выплеск возросшей (по сравнению с «Бесами») иронической активности автора. В романе ей просто некуда деться, а такой второстепенный персонаж, как князь Сокольский, хотя и не упускает возможности для иронического самовысказывания, но все же не может обеспечить полноценный выход этой творческой стихии. Если в «Бесах» есть кому замолвить словечко и за Степана Трофимовича: «... это такой человек <...> его через час опять переисповедовать надо будет!» [2, X, 505], то в «Подростке» суть этого высказывания передается в иронической самохарактеристике Версилова: «Друзья мои, я очень люблю Бога, но – я к этому не способен» [2, XIII, 447]. Примечательно, что до невероятных высот самоиронии оба героя поднимаются в наиболее трагические минуты жизни. Характерное признание Степана Трофимовича: «Друг мой, я всю жизнь мою лгал. Даже когда говорил правду» [2, X, 497].

С одной стороны, самоирония героя – признак зрелости, возросшей способности критической самооценки, с другой – мягкая форма проявления «двойничества», драматичного раздвоения, даже расслоения, личности. Самоирония – это следствие «ролевой множественности» личности. Каждая из ролей этих героев оказывается неоднозначной, начинает «двоиться»: «человек умнейший [хроникер о Степане Трофимовиче Верховенском – Ф. М.] и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего», отец, но устранившийся от воспитания сына (справедливо как по отношению к Степану Трофимовичу, так и к Андрею Петровичу), любящий муж, не считающий свою жену настоящей женщиной (Версиков), выразитель идеи предназначения дворянства, утративший бывшее дворянское величие, человек, претендующий на высокую духовность, но блекнувший перед странником Макаром и т. д. Эта неоднозначность проявляется даже в мимике героев, о чем свидетельствуют многократные ремарки хроникера и Аркадия. Аркадия поражает и даже возмущает неизменно ироническое выражения лица Версикова, сопровождающее любое его серьезное высказывание. Характерен ответ Версикова на вопрос Аркадия о матери: «Но ведь была же и она когда-то живая? Ведь вы что-нибудь полюбили же в ней? Ведь была же и она когда-то женщиной?»

– Друг мой, если хочешь, никогда не была, – ответил он мне, тотчас же скривившись в ту первоначальную, тогдашнюю со мной манеру, столь мне памятную и которая так бесила меня: то есть, по-видимому, он само искреннее простодушие, а смотришь – все в нем одна лишь глубочайшая насмешка, так что я иной раз никак не мог разобрать его лица» [2, XIII, 103].

Возможно, эта самоирония Версикова является наследием романтической составляющей образа Ставрогина. В Версикове романтизм Ставрогина частично преодолен. Версиков как бы «завершает» романтический образ Ставрогина, хотя рудиментарно этот романтизм дает о себе знать и в Иване Карамазове.

Для Версикова, как и для Ставрогина, характерна внутренняя борьба, «двойные» мысли и чувства, одновременное «сочетание противоположностей». В тексте романа достаточно оснований для сопоставления этих двух героев – Версикова и Ставрогина, а в ПМ к «Подростку» есть и прямые указания на эту преемственность [2, XVI, 7]. Их признания вступают в прямую переключку. Например, Версиков признается: «Хоть бы я был слабохарактерною ничтожностью и страдал этим сознанием! А то ведь нет, я ведь знаю, что я бесконечно силен, и чем, как ты думаешь? А вот

Ф. В. Макаричев

именно эту непосредственную *силою уживчивости* [выделено мной – Ф. М.] с чем бы то ни было, столь свойственно всем умным русским людям нашего поколения. Меня ничем не разрушишь, ничем не истребишь и ничем не удивишь. Я живуч, как дворовая собака. Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время – и уж конечно не по моей воле. Но тем не менее знаю, что это бесчестно, главное потому, что уж слишком благоразумно. Я дожил почти до пятидесяти лет и до сих пор не ведаю: хорошо это, что я дожил или дурно. Конечно, я люблю жить, и это прямо выходит из дела; но любить жизнь такому, как я, – подло. В последнее время началось что-то новое, и Крафты не уживаются, а застреливаются. Но ведь ясно, что Крафты глупы; ну а мы умны – стало быть, и тут никак нельзя вывести параллели, и вопрос все-таки остается открытым» [2, XIII, 172].

Эти мысли и ощущения героя «Подростка» близки Ставрогину (даже дословно). В предсмертном письме Николай Всеволодович пишет Даше: «Я пробовал везде мою силу <...>. На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. <...> Но к чему приложить эту силу – вот чего никогда не видел, не вижу и теперь. <...> Я все так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. <...> Великодушный Кириллов не вынес идеи и – застрелился; но ведь я вижу, что он был великодушен потому, что не в здравом рассудке. Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее в той степени, как он. Я даже заняться идеей в той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрелиться!» [2, X, 514]. Здесь близость главных героев подчеркивается двумя рифмующимися парами «идеологических учеников»: Кириллов – Шатов, Крафт – Васин.

Версилов наследует холодный и разумный нигилизм Ставрогина. Роднит их и внутренне ощущение безграничной собственной силы, и способность испытывать два противоположных чувства одновременно, и развращенность сознания, и неспособность на искреннее чувство-поступок, отсутствие настоящей веры и ее страстный поиск; общей для них является и ощущение «вековечной тоски». Сближает их и то, что личность каждого из них раздваивается, диссоциирует, распадаясь на множество личин.

Ощутимая переключка этих образов и дала основание С. Аскольдову сделать вывод о близости Ставрогина и Версилова и об их противопоставленности паре «Раскольников – Иван Карамазов»: «Внутренняя борьба Версилова, а в ней-то и заключена его жизненная задача – заключается в противоположении его, в общем уравновешенного, чрезвычайно зрелого и утонченного, душевного

склада не просто страстям и каким-нибудь душевным бурям, а тому, что он называет своим фатумом. Он фатально прикован к Ахмаковой, которую он одновременно и любит, и ненавидит и в общем не весьма высоко ставит» [1, 20]; «Версиров является человеком гораздо более зрелым, чем Карамазов (Иван – Ф. М.) и Раскольников, и однако он действует гораздо более стихийно и порывисто, чем они» [1, 20].

На последних замечаниях Аскольдова хотелось бы остановиться подробнее. Дело в том, что вышеобозначенные характерологические параметры личности Версирова по целому ряду признаков пересекаются с характеристикой другого героя, по непонятной нам причине выпавшему из поля зрения Аскольдова – Свидригайлова. Как и Версиров, этот герой относится к старшему поколению. В «многосторонней широкости» его жизненных рефлексий, в знании человеческой природы и женской психологии в романе «Преступление и наказание» ему практически нет равных. В интеллектуальном отношении герой не уступает многим героям-мыслителям (Раскольников, Карамазов и др.), хотя его пронизательный ум не обременен поиском теоретических обобщений на религиозно-нравственные, культурологические и другие темы. Любая «теория» для него, как мы знаем, – «теория, как и всякая другая». Вместе с тем, один только шелест Дуниного платья способен довести героя почти до падучей [2, VI, 367]. В каком-то смысле Дуня оказывается для Свидригайлова таким же «фатумом», как и Ахмакова для Версирова. Можно обнаружить и другие «общие точки» между этими героями. Достаточно вспомнить, каким «складным человеком» самохарактеризуется Свидригайлов [2, VI, 224].

Характерно, что в этой приживальщицкой уживчивости в Свидригайлове, как и Версирове, ощущается свойственная обоим героям неприкаянность: «Верите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помещиком быть, ну, отцом, ну, уланом, фотографом, журналистом... ничего, никакой специальности! Иногда даже скучно» [2, VI, 359]; «Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желал, а ведь это дурной признак, дурной признак! Спорить тоже не любил и не горячился – тоже дурной признак!» [2, VI, 390]. Есть общее и в жизненных судьбах: Свидригайлов застрелился, Версиров – сделал попытку. Но у Версирова есть Софья – у Свидригайлова нет даже Дуни. Вся эта общность мотивов у Свидригайлова и Версирова, возможно, определяются творческими установками на «Житие великого грешника». Прообразом «великого грешника» могут служить уже черновые наброски к образу Свидригайлова в ПМ к «Преступлению и наказанию» [2, VII, 156, 158].

Свидригайлову, как и Версирову, свойственна ирония, и, что еще более важно, самоирония. Примечательно, что и Т. А. Касаткина,

Ф. В. Макаричев

выделяет иронию в Версилове, Свидригайлове и Ставрогине как стержневую и разрушительную, с ее точки зрения, эмоционально-ценностную ориентацию. Т. А. Касаткина выстраивает градацию по степени ироничности героев и отдает в этом отношении первое место Ставрогину, называя его «абсолютным ироником» [3, 158–159]. К сожалению, исследователь не обратил должного внимания на возможную «разновекторность» приложения иронии. С этой точки зрения открывается еще одна, дополнительная, перспектива: обращенность иронии «вовне» и «на себя». И в этом случае Ставрогин занимает далеко не первое место. Ирония вообще – признак зрелого ума. Ставрогин умный, но еще не созрел. Он легко иронизирует по поводу других («Я не пью», «Вы, разумеется, не войдете в семейство»), но даже легкий намек на иронию в свой адрес («У Тихона») воспринимает болезненно, самоиронии герою явно недостает. Дефицит самоиронии ощущается и в Степане Трофимовиче (как мы уже отметили, в основном, за счет «избыточной» иронии повествователя). В Версилове же ирония и самоирония достигают наибольшей сбалансированности. Стоит отметить, что у провинциального помещика Федора Павловича эта самоирония, достигнув гипертрофированного развития, вырождается уже в ostentatious ерничество и шутовство. Возможно, шутовство Федора Павловича представляет собой сниженный вариант этой светской иронии. Характерно замечание повествователя в «Братьях Карамазовых», описывавшего поведение Федора Павловича: «Есть у старых лгунов, всю жизнь свою проактерствовавших, минуты, когда они до того зарисуются, что уже воистину дрожат и плачут от волнения, несмотря на то, что даже в это самое мгновение (или секунду только спустя) могли бы сами шепнуть себе: «ведь ты лжешь, старый бесстыдник, ведь ты актер и теперь, несмотря на весь твой я ”святой” гнев и “святую минуту гнева”» [2, XIV, 68]; или в другом месте: «Опять нотабене. Никогда и ничего такого особенного не значил наш монастырь в его жизни, и никаких горьких слез не проливал он из-за него. Но он до того увлекся выделанными слезами своими, что на одно мгновение чуть было себе сам не поверил; даже заплакал было от умиления...» [2, XIV, 83–84]. По сравнению со Ставрогиным, Версиловым и даже Свидригайловым, в которых в той или иной степени «просвечивают» элементы «русского дворянского барства», интеллигентности, образ Федора Павловича является наименее «умышленным», откровенно профанным.

В «Преступлении и наказании» ирония повествователя практически отсутствует. В этом романе ироничны (в основном, в адрес главного героя, Раскольникова) лишь реплики Свидригайлова, Порфирия Петровича и служанки Настасьи. В «Идиоте» функция

иронии значительно шире: ею подсвечены образы многих героев. Заметно нарастает и авторская ирония: ею окрашены как ремарки повествователя (в отношении множества персонажей), так и реплики отдельных героев (Рогожина, Лебедева, Генерала Епанчина, Фердыщенко, Келлера, Ипполита Терентьева и некоторых других). В «Бесах» иронией пронизано уже буквально все – роман просто наэлектризован иронией и потому как бы искривляется ею с первых же страниц романа. Такой «переизбыток» иронии имеет жанровое оправдание: роман «Бесы» – политический памфлет, ирония во многом сглаживает идеологические искривления художественного пространства произведения. Здесь иронизируют очень многие: прежде всего хроникер (в отношении Степана Трофимовича, Варвары Петровны, Кармазинова, Юлии Михайловны и Андрея Антоновича фон Лембке), Степан Трофимович (в отношении целого сонма лиц), с переменным успехом Ставрогин (по убывающей – в отношении Петра Степановича, «наших», Шатова, Кириллова, Лебядкина, Тихона, Липутина...) В «Подростке» царит атмосфера светской иронии и самоиронии отцов – Версилова и старого князя Сокольского. Причем ирония явно распределяется по старшинству: князь Сокольский иронизирует в большей степени по поводу Версилова («вериги», «бабий пророк» и проч.), в нем также проглядывает и самоирония: «Ну, пусть там монах или пустынный, – а тут человек ходит во фраке, ну, и там все... и вдруг его мощи! Странное желание для светского человека и, признаюсь, странный вкус. Я там ничего не говорю: конечно, все это святыня и все может случиться... К тому же все это de l'inconnu, но светскому человеку даже и неприлично. Если бы как-нибудь случилось со мной, или там мне предложили, то, клянусь, я бы отклонил. Ну я, вдруг, сегодня обедаю в клубе и вдруг потом – являюсь! Да я насмешу!» [2, XIII, 32]. Ирония Версилова направлена, в основном, на Аркадия и самого себя. Примечательно, что в «Братьях Карамазовых» происходит как бы возврат иронии повествователю (ею окрашены юмористические «вставные новеллы» о злключениях Митеньки, многовалентные взаимоотношения мадам Хохлаковой, сцены суда...).

Литература

1. Аскольдов, С. А. Психология характеров у Достоевского / С. А. Аскольдов // Достоевский: Статьи и материалы. Сб. 2 под ред. А. С. Долинина. – Л.: Мысль, 1924. – С. 5-27.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. 1973–1990.
3. Касаткина, Т. А. Характерология Достоевского / Т. А. Касаткина. – М.: Наследие, 1996. – 336 с.

References

1. Askol'dov, S. A. Psixologiya xarakterov u Dostoevskogo // Dostoevskij: Stat'i i materialy`. Sb. 2 pod red. A. S. Dolinina. – Leningrad, 1924. – S. 5-27.
2. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobr. soch.: v 30 t. – Leningrad: Nauka.1973–1990.
3. Kasatkina, T. A. Xarakterologiya Dostoevskogo. – Moscow: Nasledie, 1996. – 336 s.

F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS: FUNCTION OF IRONY

F.V. Makarichev

Doctor of Philology, Assistant Professor, Saint-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Saint-Petersbur, Russia)

Abstract

In article functions of irony in novels by Dostoyevsky "Demons" and "The Adolescent" are designated. The author's irony, irony of the reporter and also irony and self-irony of characters are the focus of attention. The functional dependence of irony on the genre nature of the narration comes to light. Changes in the status of the subject and an object of irony from the novel to the novel are traced.

In article functions of irony in novels by F.M. Dostoyevsky, first of all – in "Demons" and "The Adolescent" are estimated. The author's irony, irony of the narrator and also irony and self-irony of characters are the focus of attention. Also the functional dependence of irony on the genre nature of the narration comes to light. Changes in the status of the subject and an object of irony from the novel to the novel are traced. Concentration of irony in the novel "Demons" is much higher, than in other novels by F. M. Dostoyevsky at the expense of a combination of irony and self-irony of the storyteller and characters and the author's irony characteristic of a genre of the political pamphlet. In the following novel confession "The Adolescent" against the background of fading of irony of the storyteller, the role of irony and Versilov's self-irony increases. In "The Brothers Karamazov", owing to features of the genre nature of the work, there is a return to a more balanced distribution of irony between the reporter and characters.

Keywords: function of irony, self-irony, ironic, duplicity, romantic image

Поступила в редакцию 24.01.2019